

СТРУКТУРИРОВАНИЕ НАРРАТИВА КОНФЛИКТА В МЕДИЙНОЙ КОММУНИКАЦИИ

З.Г. Кудрявцева

Башкирский государственный университет, г. Уфа, Россия

В статье рассматривается актуальный в области медиалингвистики феномен нарратива вследствие нарастающего интереса исследователей к механизмам формирования политически направленных текстов, средствам политической пропаганды, инструментам воздействия на массовое сознание. Цель статьи – рассмотреть структурные особенности нарратива, функционирующего в медиадискурсе при освещении политических событий. Анализ средств речевого воздействия на аудиторию в политическом нарративе проводится на основе русско- и англоязычных статей, посвященных одному событию, но осуществляющих политическое позиционирование с противоположных сторон политического конфликта. Нарратив медиадискурса как сложное коммуникативное событие строится на базовых структурных категориях, упрощающих процессы восприятия информации читателем. В ходе представленного исследования установлено, что выбор нарративных стратегий построения текста, план выражения авторской точки зрения, способ внедрения оценки определяют форму освещения политических событий в медиакоммуникации. Анализ материала, полученного методом сплошной выборки, производится при помощи контекстуального, дефиниционного и дискурс-анализа. Манипулятивное воздействие внутри нарратива осуществляется посредством внедрения скрытой оценки, апеллирования к дихотомии «свои» / «чужие», подмены модальности, навязывания мнений и предположений. При создании политического нарратива применяются тактики навязывания ложной пресуппозиционной информации, изменения контекста и искажения фактуальной информационной составляющей. Структурные и качественные особенности позволяют использовать нарратив в качестве инструмента политического позиционирования при создании политически направленных текстов.

Ключевые слова: медиадискурс, нарратив, политический нарратив, структура нарратива, субъективность, аксиологичность.

Изучение нарратива в последнее время шагнуло далеко за пределы нарратологии. После признания нарративной природы человеческого мышления нарратив нашел широкое применение в различных областях науки как «форма дискурса, через которую мы реконструируем и репрезентируем прошлый опыт для себя и для других» [33, с. 321]. Нарративные модели стали использоваться не только для изучения мышления индивида, но и коллективного уровня человеческого поведения, что привело к осознанию важной роли нарратива в формировании и выражении политических установок и идеологий [34]. В широком смысле, нарратив – это способ описания какого-либо события, обладающий аксиологичным, эмоциональным характером в силу субъективности позиции и цели автора. Способы реализации определенных нарративных форм обусловлены прагматикой дискурса в конкретной коммуникации, где в зависимости от авторской интенции нарратив подвергается трансформации.

Нарративы средств массовой информации могут функционировать как мифы, истории, в которых закодирована приписанная им правда о том или ином явлении. Ролан Барт описал миф как «тип речи», «способ обозначения», тем самым подчеркнув важность языка в формировании идео-

логии. Для Барта мифы представляют собой мета-язык, второстепенный или коннотативный дискурс, который позволяет говорить о первом или денотативном уровне значения. Таким образом, мифы функционируют как символические, иронические или метафорические комментарии к тому, что понимается под буквальными значениями, предлагая альтернативные прочтения, наполненные идеологическим привкусом [30].

Э. Эббот рассматривает нарратив не как способ описания события, а как анализ процесса этого явления, предлагая три характеристики нарратива: сцепка, порядок и конвергенция. Нарратив должен выстраиваться «шаг за шагом», соответствовать четкому порядку событий, а также иметь общность «социального события со стабильным состоянием, к которому уже применимы ненарративные методы» [19, с. 430]. По утверждению У. Лабова, фундаментальные характеристики и структуры нарратива яснее всего отражены в устных нарративах, отражающих личностный опыт. При исследовании простых нарративных образований представляется возможность выделить его основные базовые свойства, которые могут помочь при изучении более сложных нарративных форм. Структура такого нарратива содержит ориентацию во времени, введение, включающее в себя описа-

ние места события и основных героев и заключение [31]. Основываясь на данных категориях структуры нарратива У. Лабова и Дж. Валетски, Т.А. ван Дейк описывает схематическую «суперструктуру» новостей. Он характеризует новостной дискурс как сложное коммуникативное событие, состоящее из набора правил, стратегий или категорий. Нарративная схема новостного сообщения содержит следующие категории: краткое содержание, обстановка, направленность, осложнение, развязка, оценка, код [2]. Структурное строение текста облегчает процессы воспроизведения и восприятия текста, происходящих при актуализации читателем конвенциональных знаний о схеме повествовательных текстов.

Нарратив, функционирующий в политическом дискурсе, получил название политического нарратива (А.П. Чудинов, Е.И. Шейгал S.R. Shenhav, А.Г. Кириллов, М.А. Чижов, В.В. Федоров). А.П. Чудинов определяет политический нарратив как «совокупность политических текстов разных жанров (листовка, лозунг, митинговая речь, партийная программа, аналитическая статья, телеинтервью и др.), сконцентрированных вокруг определенного политического события» [16, с. 77]. Среди основных характеристик нарратива исследователь выделяет единство темы, сюжета, основных героев и расположение во времени и пространстве, но его важнейшим свойством признается «многоголосие». Это свойство позволяет создавать множество вариативных описаний одного политического события, каждое из которых будет обладать индивидуальной структурой, эмоциональной оценкой и авторской интенцией.

В исследовании Е.И. Шейгал политический нарратив представлен как «совокупность дискурсивных образований разных жанров, сконцентрированных вокруг одного политического события» [17, с. 297]. А.Г. Кириллов дополняет это определение, указывая на двойственную природу нарратива как «объединения двух видов институционального дискурса – политического и медийного», где политический дискурс является источником материала нарратива, а медийный – формой репрезентации данных [6, с. 9].

Нарратив в медиaprостранстве взаимодействует со свойствами медиатекста, которые определяются этнокультурными, социальными и историческими факторами и находятся в нем непосредственное поликодовое отражение. Основные свойства медиатекста включают в себя антропоморфность, социоморфность, амбивалентность и полимотивированность [9]. Л.Р. Дускаева и Н.С. Цветова акцентируют внимание на открытости медиатекстов, их взаимодействии «не только уже на газетной полосе, а в общем континууме» [3, с. 88]. Медиатекст предполагает многостороннее взаимодействие – текстов друг с другом, в виде дополнения, соотнесения, полемики, конфронтации, а также взаимодействие автора и читателя.

Признаки взаимодействия коммуникантов отражаются в виде «реализации смысловой структуры под воздействием гипотезы об адресате» [4, с. 107]. В процессе создания медиатекста журналист стремится смоделировать и учесть также возможную реакцию читателя, что оказывает влияние на финальный вариант текста.

Нарратив создается многофакторно и многосторонне, читатель интерпретирует его в соответствии со своими фоновыми знаниями и готов «заполнять соответствующие жанровые клетки своим, извне привносимым в произведение смыслом» [1, с. 70], но также и автор составляет его в соответствии со своими целевыми установками, поэтому интерпретировать высказывание нарративного текста можно только с учетом характера нарратора и обстоятельств, в которых было сделано данное высказывание [5]. При восприятии политического нарратива особенно важна личность его автора для понимания авторской интенции, политических взглядов и истинной мотивации сообщения, так как «речевая структура идеологических текстов во многом определяется авторской позицией» [14, с. 22].

При освещении событий объектом точки зрения становится нарративный материал, который обрабатывается и оформляется в историю. Согласно выбранной точке зрения производится отбор определенных моментов из множества элементов события. Так, в основе любой истории лежит принцип фактуального повествования: «Невозможно о чем-либо рассказывать, не применяя к безграничному множеству фактов определенной точки зрения и ограничивая тем самым их количество» [18, с. 122].

Отбор этих элементов зависит от многих внешних и внутренних факторов, определяющих общий вид сообщения. В. Шмид выделяет пять планов точки зрения: пространственный, идеологический, временной, языковой и перцептивный. Пространственный план определяет непосредственное положение в пространстве свидетеля истории по отношению к происходящим событиям. Идеологический план включает в себя образ мышления, оценку, кругозор, то есть факторы, формирующие субъективное восприятие; этот план точки зрения может имплицитно присутствовать в других планах. Временной план содержит первоначальное и более позднее восприятия события, где восприятие включает в себя процессы обработки и осмысления. Языковой план определяет способы выражения внутренних состояний, компетентность рассказчика. Он может переплетаться с идеологическим в силу трудности различения языковых особенностей автора и выражения оценки: «Языковой план имеет релевантность и для восприятия событий, так как восприятие действительности происходит в категориях и планах, предоставляемых языком» [18, с. 126]. Перцептивный план подразумевает собой выбор точки зрения

восприятия, что становится возможным не только в фикциональных, но и в фактуальных текстах. Нередко автор политического нарратива может передавать событие заведомо искаженным в результате принятия чужой перцептивной точки зрения. Планы восприятия формируют авторскую точку зрения через вычленение определенных моментов события как важных и оттеснение других как несущественных. Таким образом, даже при максимальном стремлении к объективности в процессе оценки событий у каждого его свидетеля формируется своя позиция, отличная от других.

Оценка является одним из важнейших компонентов политического нарратива, выражающим авторскую позицию, так как «явная и скрытая социальная оценочность является общей стилевой чертой не только газетных текстов, в том числе информационных, но и всей политической коммуникации» [16, с. 63]. Существует несколько способов внедрения оценки в повествование, от которых зависит успешность речевого воздействия. Автор может не только открыто критиковать освещаемые события, прибегая к внешней оценке, но и сопровождать события цитатами, где встроенная оценка менее очевидна для реципиента [32]. Однако самым популярным видом внедрения оценки в политически направленных текстах является скрытая оценка в действии, где она вводится через аксиологические компоненты при описании событий и их героев.

Согласно трехуровневой модели формирования высказывания Ж. Женетта, оформление мнения автора происходит на втором уровне образования нарративного текста. Описывая структуру повествовательного акта коммуникации, он вводит три уровня развертывания высказывания: история, наррация и повествование. Первый уровень – это повествовательное означаемое, описывающее взаимоотношение участников нарратива, где важно наличие временных отношений. Второй уровень – «повествовательный акт конкретной внутритекстовой коммуникации», именно здесь происходит формирование авторской позиции в тексте и ее оформление внутри текста в виде конкретных речевых высказываний. На третьем уровне речь превращается в наррацию, повествовательный текст как «материальный, чувственно воспринимаемый элемент речи» [12, с. 62]. Такое структурно-коммуникативное описание нарратива получило развитие в работах ученых, изучающих фикциональный дискурс – S. Rimmon-Kenan, В. Шмид, а также в когнитивных и социолингвистических исследованиях нарратива W. Labov, J. Waletzky, D. Schiffrin, Т. ван Дейк и др.

Многие факторы определяют характер новостного сообщения таким образом, что даже при максимальной направленности к объективности убеждения автора всё равно будут проникать в текст [37]. Однако в последнее время новостные сообщения изначально нацелены на убеждение, а не информирование аудитории. Вместо объектив-

ного освещения фактов читатели получают смесь мнений и предположений, что может происходить не только из-за личной интенции автора, но и воздействия на журналиста «из вне». В одной из своих статей Ноам Хомский анализирует обвинения против австралийского журналиста Джулиана Ассанжа, осужденного за разоблачение неправомерного поведения правительства после публикации доказательств военных преступлений и злоупотреблений правительства США в Ираке и Афганистане. По мнению Н. Хомского, правительство воздействует на прессу, покушаясь на свободу слова и права общественности на правдивую информацию. Давление, которое оказывает администрация Д. Трампа, может оказать влияние на журналистику в целом (*“journalism itself, not just Assange, is on trial here”*), лишить журналистов права на свободу слова, решая, что можно писать в СМИ, а что нет [27].

С целью манипуляции массовым сознанием в политически направленных текстах медийной коммуникации активно используются различные способы речевого воздействия. Существует ряд нарративных стратегий, типичных для новостного дискурса в его самой широкой форме: формат освещения, цель освещения, индивидуализация, фокусировка и хронология. Формат освещения события побуждает читателя ожидать определенного типа повествования, а цель освещения раскрывает итоги события, обычно располагающиеся в новостях в начале статьи, чтобы настроить читателя на восприятие. Индивидуализация также является одним из основных маркеров новостного дискурса, который предоставляет возможности не только понять события с точки зрения людей, на которых эти события повлияли, но и утвердить личную идеологию автора. На восприятие политического нарратива влияет фокусировка, при которой в повествовании используются различные точки зрения от первого или третьего лица, расположенные внутри или вне истории, а также точки зрения отдельных героев нарратива, выраженные посредством прямой речи. Хронология – один из основных структурных элементов повествования, ограничивающий временные рамки происходящих событий [30]. Однако в процессе структурирования нарратива эти рамки могут раздвигаться, создавая бесконечное время для продолжения обсуждений и порождения дельнейших нарративов. При этом существенной проблемой нарративного описания становится то, что «любое событие может иметь множество нарративных причин и множество нарративных последствий, породить целую сеть нарративных связей» [10, с. 437]. Тем самым нарративное значение становится функцией настоящего и прошлого контекстов.

Неоднократно пересказанные нарративы могут насыщаться противоположной оценкой одного и того же события с точки зрения противоборствующих сторон с целью осуществления политиче-

ского позиционирования. Политическое позиционирование заключается в «создании, обосновании и внедрении в сознание целевой аудитории своей позиции, выгодно отличающей политика от конкурентов, благодаря регулируемому восприятию образа, отстаиваемым ценностям, задачам и целям деятельности, отвечающим интересам адресата» [15, с. 131]. Создавая конфликт, СМИ формируют необходимый конструктивный или деструктивный образ при помощи взаимодействия информации с социокультурной средой, формируя устойчивое общественное мнение, в процессе которого «если надо, ломаются устоявшиеся и создаются новые стереотипы, эталоны поведения» [7]. Конфликт как когнитивная категория, выражающаяся в вербальной конфронтации, является неотъемлемым компонентом политической коммуникации [13].

Благодаря структурным особенностям и свойствам, таким как относительность, субъективность, темпоральность, аксиологичность, нарратив может быть пластичным средством в руках автора при создании модифицированных политически направленных текстов [8]. Так, например, конфликт в Нагорном Карабахе между Азербайджаном и Арменией освещается зарубежными и российскими СМИ с совершенно разными подтекстами. Служба новостей ВВС оценивает влияние России на Закавказье после принятия соглашения о прекращении огня в статье “Russian influence under threat in its own back yard”. Автор пишет о возможном нарушении соглашения, что будет являться свидетельством ограниченности и шаткости влияния Москвы (*limits of influence*). Воюющие страны пренебрежительно названы российским «задним двором» (*back yard*), а постсоветское пространство – бывшей империей (*former empire*) [25], понятие, употребляемое в основном критиками. Негативная оценка за этим выражением тянется еще с первого упоминания, когда Рональд Рейган назвал Советский союз «империей зла» (*evil empire*).

Говоря о столкновении интересов в сфере влияния, автор создает противопоставление через апелляцию к категории «свои»/«чужие» с помощью «военной» лексики, разделяя стороны на два лагеря – Азербайджан и Турция (“*Turkey has emerged as a rival player*”) против России и Армении (“*Russia's traditional ally in the region, Armenia*”). Также упоминается о принадлежности Турции к числу стран, входящих в НАТО, что автоматически причисляет ее к категории «своих» для читателей ВВС (“*Turkey – a Nato country*”). Усиление подтекста конфронтации осуществляется через использование лексических единиц с коннотацией борьбы и негативной оценкой – “*muscle into*” – “*to force your way into a situation and make certain you are included, although you are not wanted*” [26]. На фоне якобы теряющей свое влияние России Турция изображается доминирующим авторитетом в регионе, не испытывая чувства

страха за последствия (“*Turkey has gained a very important foothold in the region*”, “*Turkey, China and Iran can further muscle into the region*”, “*without consulting too much with Moscow or fearing repercussions from the Kremlin*”) [25].

Обсуждая влияние России на страны в постсоветском пространстве, автор упоминает Беларусь и выставляет Россию сторонницей якобы существующей там диктатуры – “*In Belarus people power has been challenging a dictator who is being propped up by Moscow*”, “*its decision to back him for now*”. К числу неудач в сфере влияния России на ближайшие страны причисляются восстания в Киргизии и выборы в Молдове, комментарии к которым наполнены оценочной лексикой (“*In October a revolution in Kyrgyzstan caught Russia off guard*”. “*And last month the Kremlin backed the loser in Moldova's presidential election*”). Оценка в нарративе выражается также и через внутренние компоненты в цитате политического обозревателя Константина Эггерта, в которой развернувшиеся в Карабахе события расцениваются как катастрофа – “*What happened in Karabakh is truly a geo-political catastrophe for Moscow's influence*” [25].

Российские СМИ освещают события в Нагорном Карабахе с другой стороны, утверждая об огромном влиянии России на возможные исходы конфликта. Данное мнение подтверждается цитатой президента Азербайджана Ильхама Алиева со встроенной оценкой о «*сильном влиянии России на урегулирование конфликта*». Между Азербайджаном и Россией подчеркивается сильная историческая связь, союз на основе «*взаимодействия народов*». Кроме того, автор выражает уверенность в сильной позиции России не только в данном регионе, но и во всем мире – «*Россия играет особую роль*», «*вес и роль России в мире*» [11].

При глубоком анализе внутри политического нарратива можно наблюдать расхождения в оценке, восприятии событий и контраст изображения событий. Так, обсуждаемая в западных СМИ попытка отравления российского оппозиционного лидера Алексея Навального получила широкий резонанс. Благодаря совокупности новостных сообщений, посвященных данному событию, образовался нарратив конфликта, который продолжает постоянно дополняться деталями, предположениями и недоказанными фактами в многочисленных изданиях, предлагающих загадочные подробности события. В статьях новостного дискурса с первыми сообщениями о предполагаемой, «возможной» попытке отравления используется модальность недоказанной возможности этого события (“*suspected poisoning*” [22], “*probably been poisoned*” [21]), но в последующих публикациях в англоязычной прессе наблюдается подмена потенциальной модальности на модальность реальности. Заявления канцлера Германии Ангелы Меркель и личные обвинения Алексея Навального о якобы фактической причастности Правительства

РФ к попытке отравления (“*Merkel says Alexei Navalny was poisoned with Novichok*” [24], “*Alexei Navalny blames Vladimir Putin for poisoning him*” [20]) находят поддержку в зарубежных медиатекстах, избыливающих лексическими единицами, создающими модальность псевдофактуальности (“*unequivocal proof*” that Navalny *poisoned*” [23]). Даже в рамках одного издания нарратив дополняется необходимым автору подтекстом, догадками и предположениями, меняется модальность, навязывая оценку разоблачения и обвинений. Далее принятая на веру информация о навязываемой читателю причастности Кремля в покушении используется в последующих статьях уже в качестве пресуппозиционной: “*Kremlin made a second attempt to poison Alexei Navalny in botched assassination*” [36], “*Russia made second assassination attempt*” [29], “*Russian state carried out an attempted assassination of its most prominent political opponent*” [28].

Также в составе нарратива заметна разница в оценке воздействующего потенциала события: с одной стороны, западные СМИ рисуют изощренную борьбу лидера оппозиции за признание виновных (“*Russia hits out at 'hysteria' over Navalny poisoning*” [29]), а страны Евросоюза вводят новые санкции против РФ в ответ на использование химического оружия и «нарушение международных норм и прав человека» (“*EU imposes sanctions on Kremlin chiefs over Alexei Navalny poisoning*” [35]). С другой стороны, сообщается о хладнокровной реакции со стороны российского правительства на нападки, называющего их провокацией и попыткой дискредитации, и даже заговором, созданным для оправдания западной политики санкций (Ведомости, РБК, Медуза).

Нарративы не только отражают реальность, но и формируют ее, указывая на способы интерпретации человеческого опыта и ценностные установки в рамках определенной культуры. Структурные особенности и многослойное смысловое содержание нарративов позволяют использовать их в качестве инструмента создания политически ангажированных и идеологически нагруженных текстов. Нарратив медиадискурса как сложное коммуникативное событие строится на базовых структурных категориях, упрощающих процессы восприятия текста читателем, актуализирующие конвенциональные знания о привычных схемах повествования. Форма нарратива обусловлена многими факторами, включающими план выражения точки зрения автора, предопределяющей акцентуруемые области новостного сообщения, способ внедрения оценки и выбор нарративных стратегий построения текста. Нарративные формы освещения событий в массмедиа предоставляют огромные возможности для субъективной оценки информации с целью воздействия на аудиторию. Манипуляция внутри нарратива может осуществляться посредством внедрения скрытой оценки, апелли-

рования к дихотомии «свои» / «чужие», подмены модальности, навязывания мнений и предположений. В ходе построения медийного политического нарратива применяются тактики создания модальности псевдофактуальности в разных структурных элементах текста, навязывания ложной пресуппозиционной информации и выражения предвзятой оценки события.

Литература

1. Андреева, В.А. Литературный нарратив: текст и дискурс / В.А. Андреева // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2007. – no. 46. – С. 61–71.
2. Ван Дейк, Т.А. Язык. Познание. Коммуникация / Т.А. Ван Дейк. – Б.: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308 с.
3. Дускаева, Л.Р. Стилистика медиатекста. Избранные статьи 2010–2012 гг. / Л.Р. Дускаева. – СПб.: б.и., 2012. – 96 с.
4. Дускаева, Л.Р. Феноменология газетного медиатекста / Л.Р. Дускаева, Н.С. Цветова // Стереотипность и творчество в тексте. Межвузовский сборник научных трудов; под ред. М.П. Котуровой; Пермский государственный национальный исследовательский университет. – Пермь, 2011. – С. 103–118.
5. Женетт, Ж. Фигуры. В 2 т. / Ж. Женетт. – М.: Изд-во им. Сабашиковых, 1998. – Т. 1. – 472 с.
6. Кириллов, А.Г. Политический нарратив: структура и прагматика (на материале современной англоязычной прессы): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04: защищена 27.02.07 / Кириллов Андрей Геннадьевич. – Самара, 2007. – 23 с.
7. Кудашова, Ю.В. Роль и значение массовой коммуникации в политическом позиционировании региона / Ю.В. Кудашова // Современные проблемы массовой коммуникации. – https://conference.osu.ru/assets/files/conf_info/conf8/s23.pdf (дата обращения 05.01.2021).
8. Кудрявцева, З.Г. Нарративный подход в политическом дискурсе / З.Г. Кудрявцева // Межкультурная ↔ интракультурная коммуникация: теория и практика обучения и перевода: материалы IX Международной научно-практической конференции (г. Уфа, 3–4 декабря 2020 г.) / отв. ред. Н.П. Пешкова. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. – С. 159–165.
9. Медиатекст: стратегии – функции – стиль: коллективная монография / Л.И. Гришаева, А.Г. Пастухов, Т.В. Чернышова (отв. ред.) – Орёл: Орловский государственный институт искусств и культуры, полиграфическая фирма «Горизонт», 2010. – 226 с.
10. Почепцов, Г.Г. Теория коммуникации / Г.Г. Почепцов. – М.: Рефл-бук; К.: Ваклер, 2001. – 656 с.
11. РБК: Алиев рассказал о роли России в урегулировании конфликта в Карабахе. – 2020. –

<https://www.rbc.ru/politics/11/10/2020/5f81d3109a7947a886380d67> (дата обращения 29.11.2020).

12. Фёдоров, В.В. Проблемы и перспективы изучения нарративной коммуникации в электронном медиадискурсе / В.В. Фёдоров // Вестник ЧелГУ. – 2017. – С. 61–66.

13. Хазиева, Р.Р. Использование ложной информации в дискурсивном лингвополитическом моделировании действительности (на материале англоязычных конфликтогенных текстов): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04/ Хазиева Рушана Рауфовна. – Уфа, 2018. – 198 с.

14. Цветова, Н.С. Категория автора в интенциональном поле медиатекста / Н.С. Цветова // Медиатекст как полиинтенциональная система: сб. ст. / отв. ред.: Л.Р. Дускаева, Н.С. Цветова. – СПб.: б.и., 2012. – С. 17–24.

15. Чаньшиева, З.З. Позиционирование альтернативных СМИ в медийной коммуникации / З.З. Чаньшиева // Доклады Башкирского университета. – 2020. – Т. 5, № 2. – С. 130–136.

16. Чудинов, А.П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. – М.: Флинта; Наука, 2006. – 254 с.

17. Шейгал, Е.И. Семантика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Шейгал Елена Иосифовна. – Волгоград, 2000. – 431 с.

18. Шмид, В. Нарратология / В. Шмид. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.

19. Abbott, A. From Causes to Events. Notes on Narrative Positivism / A. Abbott // Sociological Methods & Research. – 1992. – Vol. 20, no. 4. – P. 428–455.

20. BBC: Alexei Navalny blames Vladimir Putin for poisoning him. – <https://www.bbc.com/news/world-europe-54369664> (дата обращения 06.01.2021).

21. BBC: Alexei Navalny: Kremlin dismisses accusations against Putin. – <https://www.bbc.com/news/world-europe-53903314> (дата обращения 08.01.2021).

22. BBC: Alexei Navalny: Russian opposition leader 'poisoned'. – <https://www.bbc.co.uk/programmes/w172x2yv3thb17g> (дата обращения 07.01.2021).

23. BBC: Germany says there's "unequivocal proof" that Navalny poisoned with Novichok. – <https://www.bbc.co.uk/programmes/w172x2wdj59sg67> (дата обращения 08.01.2021).

24. BBC: Merkel says Alexei Navalny was poisoned with Novichok. – <https://www.bbc.co.uk/programmes/m000m5kn> (дата обращения 07.01.2021).

25. BBC: Russian influence under threat in its own back yard. – <https://www.bbc.com/news/world-europe-55157174> (дата обращения 06.01.2021).

26. Cambridge dictionary. – <https://dictionary.cambridge.org/ru/> (дата обращения 25.12.2020).

27. Chomsky, N. Julian Assange is not on trial for his personality – but here's how the US government made you focus on it / N. Chomsky, A. Walker // Independent – 2020. – <https://chomsky.info/20200909/0> (дата обращения 18.12.2020).

28. CSIS: The Implications of the Poisoning of Alexey Navalny. – <https://www.csis.org/analysis/implications-poisoning-alexey-navalny> (дата обращения 08.01.2021).

29. DW: Navalny poisoning: Russia made second assassination attempt – report. – <https://www.dw.com/en/navalny-poisoning-russia-made-second-assassination-attempt-report/a-55921189> (дата обращения 06.01.2021).

30. Fulton, H. Narrative and Media / H. Fulton, R. Huisman, J. Murphet, A. Dunn. – Cambridge University Press, 2005. – 343 p.

31. Labov, W. Oral Narratives of Personal Experience / W. Labov // Cambridge Encyclopedia of the Language Sciences. – <https://www.ling.upenn.edu/~wlabov/Papers/FebOralNarPE.pdf> (дата обращения 20.11.2020).

32. Labov, W. The transformation of experience in narrative syntax / W. Labov // Language in the inner city. – University of Pennsylvania Press, Philadelphia, PA, 1972. – P. 354–397.

33. Schiffrin, D. In Other Words: Variation in Reference and Narrative. – Cambridge University Press, 2006. – 390 p.

34. Shenhav, S.R. Political Narratives and Political Reality // international political Science Review. – 2006. – Vol. 27, no. 3. – P. 245–262.

35. The Guardian: EU imposes sanctions on Kremlin chiefs over Alexei Navalny poisoning. – <https://www.theguardian.com/world/2020/oct/15/eu-announces-sanctions-against-kremlin-chiefs-over-alexey-navalny-poisoning> (дата обращения 09.01.2021).

36. The Times: Revealed Kremlin made a second attempt to poison Alexei Navalny in botched assassination. – <https://www.thetimes.co.uk/article/revealed-kremlin-made-a-second-attempt-to-poison-alexey-navalny-in-botched-assassination-nh32x737j> (дата обращения 07.01.2021).

37. Van Dijk, T.A. News analysis. Case studies of international and national news in the press / T.A. Van Dijk. – Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates. 1988. – P. 325.

Кудрявцева Земфира Гайсаевна, аспирант кафедры английского языка и межкультурной коммуникации, Башкирский государственный университет (Уфа), zemfira.kd@gmail.com

Поступила в редакцию 5 февраля 2021 г.

STRUCTURING THE NARRATIVE OF CONFLICT IN MEDIA COMMUNICATION

Z.G. Kudryavtseva, zemfira.kd@gmail.com
Bashkir State University, Ufa, Russian Federation

The article discusses the phenomenon of narrative, highly relevant in the field of media linguistics, due to the growing interest of researchers in mechanisms of politically oriented text formation, means of political propaganda, tools to affect mass consciousness. The aim of the article is to consider the structural features of the narrative that functions in media discourse when covering political events. The analysis of linguistic manipulation means in political narrative is carried out on the basis of Russian- and English-language articles devoted to the same event but carrying out political positioning from the opposite sides of the political conflict. The media discourse narrative as a complex communicative event is built on basic structural categories that simplify the reader's perception. It is found that the choice of narrative strategies for constructing the text, the plane of expression of the author's viewpoint, the method of implementing the evaluation predetermine the form of coverage of political events in media communication. The analysis of the material obtained by continuous sampling is carried out using contextual, definitional and discourse analysis. Manipulative influence within the narrative is carried out via hidden evaluation, appeal to the dichotomy of "US" / "THEM", substitution of modality, imposition of opinions and assumptions. When creating a political narrative, tactics of imposing false presuppositions, changing the context and distorting the factual information are widely used. Structural and qualitative features make it possible to use the narrative as a tool for political positioning when creating politically oriented texts.

Keywords: media discourse, narrative, political narrative, structure of narrative, subjectivity, evaluative components.

References

1. Andreeva V.A. Literaturnyj narrativ: tekst i diskurs [Literary narrative: text and discourse]. Izvestiya RGPU im. A.I. Ger-tseny. 2007. no. 46, pp. 61–71.
2. Van Dejk T.A. Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya [Language. Cognition. Communication]. B.: BGK im. I.A. Boduehna de Kurteneh, 2000. 308 p.
3. Duskaeva L.R. Stilistika mediateksta Izbrannye stat'i 2010–2012 gg. [Stylistics of mediatexts Best articles 2010–2012]. SPb.: b.i., 2012. 96 p.
4. Duskaeva L.R., Tsvetova, N.S. [Phenomenology of newspaper media text]. *Stereotipnost' i tvorchestvo v tekste* [Stereotyping and creativity in the text]. Perm'skij gosudarstvennyj natsional'nyj issledovatel'skij universitet. Perm', 2011, pp. 103–118.
5. Zhenett Z.H. Figury. [Figures] V 2 t. T. 1. M.: Izd-vo im. Sabashnikovyx, 1998. 472 p.
6. Kirillov A.G. *Politicheskij narrativ: struktura i pragmatika: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04: zashhishhena 27.02.07 (na materiale sovremennoj angloyazychnoj pressy)* [Political narrative: structure and pragmatics (on the basics of modern English press). Cand. Sci. dis. (philol.)]. Samara, 2007. 23 p.
7. Kudashova Yu.V. Rol' i znachenie massovoj kommunikatsii v politicheskom pozitsionirovanii regiona [Pole and meaning of mass communication in political positioning of region] / *Sovremennye problemy massovoj kommunikatsii*. URL: https://conference.osu.ru/assets/files/conf_info/conf8/s23.pdf (accessed 05.01.2021).
8. Kudryavtseva Z.G. [Narrative approach in political discourse]. *Mezhkul'turnaya ↔ intrakul'turnaya kommunikatsiya: teoriya i praktika obucheniya i perevoda* [Intercultural ↔ intracultural communication: theory and practice of learning and translation]. N.P. Peshkova (Ed.). Ufa: RITS BashGU, 2020, pp. 159–165.
9. *Mediatekst: strategii – funktsii – stil': kollektivnaya monografiya* [Mediatext: strategies – functions – style] / L.I. Grishaeva, A.G. Pastukhov, T.V. Chernyshova (otv. red.). Oryol: Orlovskij gosudarstvennyj institut iskusstv i kul'tury, poligraficheskaya firma "Gorizont", 2010. 226 p.
10. Pocheptsov G.G. *Teoriya kommunikatsii* [Theory of communication]. Moscow, Reflbuk, Kiev: Vakler, 2001. 656 p.
11. RBK: Aliev rasskazal o roli Rossii v uregulirovanii konflikta v Karabakhe. [Alliev told about the role of Russia in mediating conflict in Karabakh]. 2020. URL: <https://www.rbc.ru/politics/11/10/2020/5f81d3109a7947a886380d67> (accessed 29.11.2020).
12. Fyodorov V.V. *Problemy i perspektivy izucheniya narrativnoj kommunikatsii v ehlektoral'nom media-diskurse* [Problems and perspectives of studying narrative communication in electoral mediadiscourse]. Vestnik CHelGU. 2017, pp. 61–66.
13. Khazieva R.R. Ispol'zovanie lozhnoj informatsii v diskursivnom lingvopoliticheskom modelirovanii dejstvitel'nosti (na materiale angloyazychnyx konfliktogennykh tekstov): dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. [The usage of fake information in discourse lingvopolitical modelling of reality. Cand. sci. dis.]. Ufa, 2018. 198 p.
14. Tsvetova N.S. [The category of author in intentional field of mediatext]. *Mediatekst kak poliintentsional'naya sistema* [Media Text as a Polyintentional System]. L.R. Duskaeva, N.S. Tsvetova. St. Petersburg, 2012, pp. 17–24.

15. Chanysheva Z.Z. [Positioning of alternative media in media communication]. *Doklady Bashkirskogo universiteta* [Reports of Bashkir University]. Ufa. 2020, vol. 5, no. 2, pp. 130–136.
16. Chudinov A.P. *Politicheskaya lingvistika: ucheb. posobie* [Political linguistics]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2006. 254 p.
17. Shejgal E.I. *Semiotika politicheskogo diskursa: dis. ... d-ra filol. nauk* [Semiotics of political discourse. Cand. sci. dis.]. Volgograd, 2000. 431 p.
18. Schmid, B. *Narratologiya* [Narratology]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2003. 312 p.
19. Abbott, A. From Causes to Events. Notes on Narrative Positivism. *Sociological Methods & Research*. 1992, vol. 20, no. 4, pp. 428–455.
20. BBC: Alexei Navalny blames Vladimir Putin for poisoning him. Available at: URL: <https://www.bbc.com/news/world-europe-54369664> (accessed 06.01.2021).
21. BBC: Alexei Navalny: Kremlin dismisses accusations against Putin. Available at: URL: <https://www.bbc.com/news/world-europe-53903314> (accessed 08.01.2021).
22. BBC: Alexei Navalny: Russian opposition leader 'poisoned'. Available at: URL: <https://www.bbc.com/programmes/w172x2yv3thb17g> (accessed 07.01.2021).
23. BBC: Germany says there's "unequivocal proof" that Navalny poisoned with Novichok. Available at: URL: <https://www.bbc.co.uk/programmes/w172x2wdj59sg67> (accessed 08.01.2021).
24. BBC: Merkel says Alexei Navalny was poisoned with Novichok. Available at: URL: <https://www.bbc.co.uk/programmes/m000m5kn> (accessed 07.01.2021).
25. BBC: Russian influence under threat in its own back yard. Available at: URL: <https://www.bbc.com/news/world-europe-55157174> (accessed 06.01.2021).
26. Cambridge dictionary. Available at: URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/> (accessed 25.12.2020).
27. Chomsky, N., Walker, A. Julian Assange is not on trial for his personality – but here's how the US government made you focus on it. *Independent*. – 2020. Available at: URL: <https://chomsky.info/20200909/0> (accessed 18.12.2020).
28. CSIS: The Implications of the Poisoning of Alexey Navalny. Available at: URL: <https://www.csis.org/analysis/implications-poisoning-alexey-navalny> (accessed 08.01.2021).
29. DW: Navalny poisoning: Russia made second assassination attempt – report. Available at: URL: <https://www.dw.com/en/navalny-poisoning-russia-made-second-assassination-attempt-report/a-55921189> (accessed 06.01.2021).
30. Fulton H., Huisman R., Murphet J., Dunn A. *Narrative and Media*. Cambridge University Press, 2005. 343 p.
31. Labov W. Oral Narratives of Personal Experience. Cambridge Encyclopedia of the Language Sciences. Available at: URL: <https://www.ling.upenn.edu/~wlabov/Papers/FebOralNarPE.pdf> (accessed 20.11.2020).
32. Labov W. The transformation of experience in narrative syntax. *Language in the inner city*. University of Pennsylvania Press, Philadelphia, PA, 1972, pp. 354–397.
33. Schiffrin D. In Other Words: Variation in Reference and Narrative. Cambridge University Press, 2006. 390 p.
34. Shenhav S.R. Political Narratives and Political Reality // *international political Science Review*, 2006, vol. 27, no. 3, pp. 245–262.
35. The Guardian: EU imposes sanctions on Kremlin chiefs over Alexei Navalny poisoning. Available at: URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/oct/15/eu-announces-sanctions-against-kremlin-chiefs-over-alexei-navalny-poisoning> (accessed 09.01.2021).
36. The Times: Revealed Kremlin made a second attempt to poison Alexei Navalny in botched assassination. Available at: URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/revealed-kremlin-made-a-second-attempt-to-poison-alexei-navalny-in-botched-assassination-nh32x737j> (accessed 07.01.2021).
37. Van Dijk T.A. *News analysis. Case studies of international and national news in the press*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates. 1988. P. 325.

Zemfira G. Kudryavtseva, Postgraduate Student of Department of English Language and Intercultural Communication, Bashkir State University (Ufa), zemfira.kd@gmail.com

Received 5 February 2021

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Кудрявцева, З.Г. Структурирование нарратива конфликта в медийной коммуникации / З.Г. Кудрявцева // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – 2021. – Т. 18, № 3. – С. 68–75. DOI: 10.14529/ling210312

FOR CITATION

Kudryavtseva Z.G. Structuring the Narrative of Conflict in Media Communication. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics*. 2021, vol. 18, no. 3, pp. 68–75. (in Russ.). DOI: 10.14529/ling210312